

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Чиварзиной Александры Игоревны

«Система цветообозначений в балканославянских языках в сопоставлении с албанским и румынским (этнолингвистический аспект)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – Славянские языки

Работа Александры Игоревны Чиварзиной имеет объектом исследования сербский, македонский, болгарский, а также албанский и румынский языки в их стандартных и некоторых территориально-диалектных вариантах. Применяется расширенное понимание термина балканославянский, в объем которого фактически включены не только балканизированные сербские диалекты, но и сербский литературный язык. Предмет исследования — установление инвентаря цветообозначений и описание их функционирования в сравнительных и оппозитивных конструкциях с целью выявления общих и специфических черт языков Балканского языкового союза в избранном сегменте языковой структуры.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографии и пяти приложений. В главе 1 шесть разделов и выводы. В главе 2 пять разделов (с подразделами) и выводы. В главе 3, объемом всего лишь в 12 стр., нет деления на разделы и выводов.

Содержание работы может быть кратко изложено следующим образом. Во введении освещается история вопроса и дискуссия вокруг универсальности базовых терминов цвета с особым вниманием к теориям Кея и Берлина, с одной стороны, и Вежбицкой, - с другой. Обзору наиболее значимых исследований восприятия и обозначения цвета на материале балканославянских и неславянских балканских языков посвящен отдельный раздел.

Первая глава посвящена общему анализу системы базовых цветообозначений в болгарском, македонском и сербском языках в сопоставлении с албанским и румынским. Сопоставление систем цветообозначений свидетельствует о высокой степени взаимовлияния рассматриваемых балканских языков и культур. Анализ материала показывает, что в диалектах широко распространенными остаются и общебалканские

тюркские заимствования, и славянские диалектные формы, заимствованные в ходе постоянных контактов. Такие лексемы становятся универсальным средством обозначения цвета, поскольку совпадают в контактирующих балканских языках.

Вторая глава посвящена анализу связей между колоронимами и предметами или явлениями действительности, что позволило диссертанту выявить значимые сходства и различия в «окрашивании» реального мира в языковом сознании носителей балканских культур. Проанализировано около 3000 примеров сравнений, извлеченных из имеющихся национальных корпусов, а также методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей, публицистических и художественных текстов, отражающих особенности функционирования компаративных единиц с колоративным компонентом. Этнолингвистический аспект работы проявляется в анализе компаративных оборотов в контексте ритуала. Такой анализ показал ключевые значения соответствующих цветов и их обозначений для народного сознания.

Показано, что общим для балканославянских и неславянских балканских языков является преобладание сравнений с обозначением белого, черного и красного. Этим колоронимам присуще наибольшее число значений, дополнительные коннотации, возможность употребления в противоположном значении для сопоставления несопоставимых признаков. Другие цвета в сравнительных оборотах встречаются редко. Делается вывод, что это обусловлено временем появления колоронима в языке, а также характером происхождения лексемы.

Ко второй главе примыкает словарь всех собранных в ходе подготовки диссертации сравнительных оборотов (Приложение 4). В словаре наглядно представлены сходства и различия в стратегиях построения устойчивых сравнений.

В третьей главе диссертант обращается к анализу колоронимов в благопожеланиях и проклятиях. На основе анализа 150 примеров делается вывод о наиболее частотных случаях употребления колоронимов в рассматриваемых клишированных оборотах. Так, в проанализированных фольклорных текстах наиболее устойчива, однородна и превалирует черно-белая гамма. Это соответствует теоретическим заключениям о специфике малых фольклорных жанров на материале других языков. В работе выявляется основная семантика, послужившая выбору того или иного цветообозначения в текстах подобного рода: колоронимы соотносятся не с конкретными существительными, а с целой лексико-семантической группой или семантическим полем. В благопожеланиях, угрозах и проклятиях такими полями будут оппозиции «добро» и «зло», «достоинство» и «бесчестие». Материал исследования свидетельствует, что другие цветообозначения редко встречаются в подобных текстах, поскольку находятся вне полюсов данных оппозиций.

В заключении формулируются выводы исследования. В частности, на основе проделанного анализа предлагается объединить цветообозначения в функциональные группы, общие для рассматриваемых балканославянских и неславянских балканских языков: 1) белый, черный, красный; 2) желтый, зеленый; 3) синий и его оттенки; 4) серый; 5) коричневый; 6) оранжевый, розовый, фиолетовый. Там же также отмечается, что система колоронимов рассматриваемых языков характеризуется, с одной стороны, полисемией основных единиц, а с другой стороны, наличием специальных терминов, ограниченных узкими сферами употребления (например, скотоводческая лексика, лексика голубятничества), а также наличием тюркских дублетов.

Особое внимание уделено системам цветообозначений румынского и албанского языков, которые в работе выступают фоном для болгарского, македонского и сербского. Утверждается, что балканославянские языки обладают единой системой с минимальными расхождениями.

В работе 223 страницы. В библиографии 207 единиц, в списке источников – 84. В «индексе» румынских цветообозначений около 60, албанских около 88, славянских около 250.

Переходя к оценке работы, рецензент отмечает, что ее содержание точно соответствует заявленной в названии теме, а сама тема в работе раскрыта с достаточной полнотой. Задачи исследования сформулированы точно, обоснованная структура работы имеется. Удачно решена сложная, собственно лингвистическая многоплановая задача установления инвентаря цветообозначений и описания их функций. Учтены достижения современной этнолингвистики. Примерная схема описания инвентаря цветообозначений включает в себя сначала исконные, и.-е. цветообозначения; затем - взаимные заимствования внутри Балкан (как свидетельства многосторонних контактов); затем - балканские тюркизмы (как свидетельство тюркских влияний и межбалканских контактов); затем - технологические подсистемы (например, масти); и, наконец, - переносные значения (например, «чистый» для белого, «горе» для черного, «кровь, жизнь» для красного).

Семантика и функциональный спектр колоронимов описаны, разумеется, не исчерпывающе, но в существенных сегментах. Необходимо отметить, что автор избрал именно достаточные и показательные сегменты системы цветообозначений, и требовать от него бесконечного их расширения (например, детальной информации о названиях цвета растений и их плодов вообще, о названиях цвета винограда и вина в частности, о конских мастях, о цветах традиционной народной одежды, о сакральной живописи, о цветообозначениях в Библии и Коране и проч.) было бы несправедливо несмотря на то,

что какие-то то не рассмотренные в работе аспекты культуры несомненно исключительно важны для Балкан. Так, сам автор на с. 60 отметил, что *«Исключая из контекста христианскую культурную традицию, в которой оттенки синего с XII века стали ассоциироваться с Богородицей и праздниками в Ее честь, синий является одним из наименее употребляемых цветов в традиционной культуре балканских народов».*

Использовался достаточный спектр лексикографических источников - толковые, этимологические, диалектные словари, при необходимости - диалектологические атласы. Методы работы надежные, точные, современные; применяются корректно. В целом, работа носит комплексный характер. Дано развернутое обоснование выводов, они убедительны. Типичное обобщение выглядит так: «в рамках традиционной народной культуры наблюдается разграничение значений: за желтым чаще закреплены преимущественно негативные коннотации, зеленый же в обрядах призван символизировать молодость, здоровье и жизненные силы в целом» (с. 53). Примером заключения может послужить следующее: в благопожеланиях и проклятиях «наиболее частотны обозначения белого и черного. Это объясняется символической нагруженностью двух архаических цветов, которые традиционно находятся в оппозиции к друг другу и входят в синонимичные ряды таких ментальных оппозиций, как добро / зло, жизнь / смерть, счастье / горе и т.д.» (с. 148).

Осторожность некоторых заключений полностью оправданна, напр. на с. 56: «можно предположить, что в албанском языке есть место, иными словами – незаполненная, свободная клетка, для голубого и что мы становимся свидетелями процесса перцепции и вербального оформления последнего».

Из частных отмечу интересную попытку установить правила дистрибуции трех албанских обозначений зеленого - *i gjelbër, jeshil, i blertë* и представить их наглядно. То же касается полезного и наглядного картографирования номинаций сливы колючей.

Работа логически когерентна.

Количество публикаций по теме работы более чем достаточное, уровень публикаций высокий. Практически результаты работы могут быть использованы в преподавании балканских и южнославянских языков, написании учебников и пособий.

При этом обзор литературы можно было дополнить критическим анализом теоретических работ именно по балканской лексикологии и паремиологии, осветив цели и задачи изысканий именно в этой области языкознания. Можно было более явно представить методологию балканской сопоставительной лексикологии и фразеологии, примененную в исследовании. В частности, из перечислений тематики работ предшественников (например, на стр. 22-23) не следует никаких выводов о проблематике

и методологии этих изысканий. Обзор литературы вообще желательно завершать выводами, указанием на проблемы исследования, а также обсуждением методологических установок. В конкретном случае это может быть, например, неизвестность точных семантических спектров и внутрисистемного взаимного распределения тюркизмов и исконной лексики, это может быть проблема поиска лексического, семантического ядра БЯС. К сожалению, главе 3 вообще не предпослан критический обзор соответствующей литературы и источников (с. 148).

Есть ряд вопросов к диссертанту, задаваемых исключительно в порядке дискуссии на интересующие оппонента темы.

Основной методологический вопрос сводится к следующему. Есть ли различия между применением методов подобного исследования к конвергентной группе языков вроде Балканского языкового союза, с одной стороны, и группе ареально смежных неблизкородственных языков (например, восточно-альпийских – итальянского, немецкого, словенского), - с другой. Ведь на нынешнем этапе развития лингвистической науки мы уже знаем, что балканские идиоэтнические языки - различные лингвистические сущности, т.е. разные по происхождению и довольно различные по структуре средства коммуникации разных сообществ людей. Есть ли специфика именно балканской лексикологии и фразеологии? Может ли собственно общелингвистический или историко-типологический подход в некоторой перспективе преобразоваться в «специфический балканистический метод»?

Более частный вопрос в следующем. Какова роль вопросника и объем материала, собранного в поле? Есть ли методологические рекомендации, отражающие специфику опыта работы по теме цветообозначений? Возможно ли получить системно сопоставимую информацию с помощью таких обширных вопросов программы, как: «Какого цвета еще бывают домашние животные (кошка, собака, курица, корова, конь, овца, коза, свинья)? Какого цвета могут быть дикие животные (волк, лисица, ящерица, змея)»?

Материал работы, представленный в тексте диссертации и в приложениях, побуждает задаться вопросом о существенных количественных различиях между его славянской и обеими неславянскими частями, в пользу славянской. Обусловлено ли это собственно лингвистическими обстоятельствами, т.е. свойствами самих лексических и фразеологических систем, или особенностями национальных филологических традиций, посвящавших неравное внимание лексической вариативности, что отразилось и на полноте источников материала – относительно небольшому количеству сведений о албанских и румынских территориальных диалектах? Так, в разделе о желтом и зеленом явно количественно недостает албанского и румынского языкового материала о названиях

животных и растений, а также об обрядовой лексике. На с. 147, например, не приведены использованные источники албанского материала по благопожеланиям и проклятиям. Всего собрано около 150 примеров, но из них албанских и румынских незначительное количество.

Следующий вопрос касается разграничения понятия диалектного различия для идиомов одного языка, с одной стороны, а для балканистики, с другой стороны, — понятия межбалканского языкового различия, которое в конечном итоге есть дериват межбалканского языкового схождения, конвергентной языковой параллели, союзообразующего признака. Возможно ли моделирование общевалканской лексической системы с присущей ей особой вариативностью?

Общелингвистический и общенаучный вопрос относится к области теории номинации. Считает ли диссертант, что т.наз. «объективные характеристики денотатов (предметов мира)», например цвет неба в разное время, сортов тыквы, шерсти животных «отражаются» в языке? См. «В контексте ритуала сравнительные обороты с колоронимами строятся на основании сопоставления с цветом конкретных предметов реального мира» (с. 145). При отсылке к цвету денотатов всегда полезно иметь в виду, что цветовой прототип для разных периодов времени разных географических пространств установить вряд ли возможно. Но, может быть, это сам язык формирует видение предметного мира? Вытекающие отсюда методологические сложности не остались незамеченными автором, например на с. 68 читаем: «По нашим собственным записям, кора деревьев, почва, кофе спонтанно характеризуются по этому цветовому признаку, однако, после минутной паузы носители приводят примеры с другими цветообозначениями. Например, дерево кажется серым (сиво дрво [серое дерево]), земля чаще всего црна (црна земја го потрупала [черная земля его засыпала]) (Табановце), но может быть и црвена, бела (бела од вар [белая от извести]) в зависимости от свойств почвы». Сюда же отнесем и верное наблюдение автора о том, что «Такой объект как огонь становится практически универсальным сравнением, поскольку может использоваться для конкретизации разных цветов. Помимо прототипического и ожидаемого сравнения по основанию красного, встретились следующие примеры: болг. син като пламък, рум. albastru ca flacăra «синий, как пламя», болг. оранжев като пламък «оранжевый, как пламя», серб. зелен као ватра «зеленый, как костер», рум. galben ca focul «желтый, как огонь» (с. 144).

Следующий вопрос касается того, существует ли возможность эксплицировать вариативность каждого исследованного литературного (стандартного) языка, обусловленную теми престижными культурными моделями, на которые ориентируются разные группы носителей (например, традиционная «балканская» (если она существует),

западноевропейская, ориентальная, греческая)? Как учесть и эксплицировать то обстоятельство, что цвет революции, красной шапочки сказочного персонажа и рубашечки новорожденного представляют собой разные феномены культуры?

Можно было несколько нагляднее, в таблицах или списках, представить вскрытые автором языковые и культурные слои, в частности – индоевропейский, праславянский, старославянский, библейский, греческий, латинский, западноевропейский (итальянский, французский, немецкий, английский), коммунистический, интернационализмы периода глобализации и современного маркетинга. Читателю не всегда ясны направления влияний, роль палеобалканского субстрата и адстратов. В частности, наглядные обобщения особенно желательны для раскрытия роли турецкого суперстрата. Особенность балканских языков – возможность пополнять фонд заимствованиями, в т.ч. калькированием семантики, из греческого, латинского, романских, тюркских, русского литературного языка. Албанский язык выделяется на фоне других балканских именно обилием заимствований из самых разных источников. Можно ли в таком случае говорить о системности, кристаллизации оппозиций вообще? Обладают ли носители балканских языков когнитивным суверенитетом?

Еще один вопрос, как именно определяется т.наз. «базовость» лексемы для обозначения конкретного цвета, особенно в случаях вроде албанского, когда колоронимы этимологически и типологически имеют потенциал обозначать несколько цветов (см. с. 45 алб. *i, e gjelbër* «зеленый» и *i, e verdhë* «желтый»; *i, e gjelbër* в южных диалектах – ‘желтый’, *i, e verdhë* – в северных диалектах ‘зеленый’), а полевого исследования не проводилось. (Ср. с авторским наблюдением на. 54: «Носители определяют лексемы как базовые...»).

Терминологическое предложение оппонента автору диссертации заключается в необходимости дополнительной разработки понятия *оппозиции*, используемого в работе в достаточно длинном и неоднородном синонимическом ряду, а именно: противопоставление (огонь – холод, мужское - женское), взаимодополнение (белое и красное «в амулете ... не противопоставляются друг другу, а дополняют», с. 39), сосуществование («**сосуществование** одновременно трех цветов в одном контексте», с. 39); единство («единство красного и черного», с. 35); антиномия («антонимия белого и черного», с. 40).

Есть и небольшая терминологическая рекомендация. Лингвоним «торлакский», возможно, имеет смысл применять не столько к сербским призренско-тимокским говорам, но к целому диалектному комплексу на сербско-болгарско-македонском пограничье.

Желательны также уточнения к тексту на с. 55: «в зоне *переходных славянских говоров в Куманово* (Северная Македония)».

Представляется, что в работе собран и представлен достаточный материал для составления в будущем списков признаков, по которым отдельные языки и/или их диалекты объединяются в группы и противопоставляются друг другу. Этот материал позволяет также, используя теорию Кая и Берлина, Даниэля об относительной последовательности формирования отдельных участков систем цветообозначения в языках мира, провести в будущем хронологическую стратификацию колоронимов, с целью определения, на каких именно этапах балканские языки переживали процессы конвергентного развития, а на каких – развивались дивергентно. В частности, обобщения вроде «самые древние обозначения цвета, появляющиеся в языковой системе на первых этапах эволюции, сформировали **наибольшее число значений**» (с. 40) важны, но нуждаются в детальной экспликации существенных *различий* между балканскими языками.

Некоторые предположения автора импрессионистичны и лишены эксплицитной методологии. Например, на с. 61 читаем: «Предполагается, что термин для наименования конкретно темных оттенков синего, ассоциирующихся с ненастьем, не должен использоваться для передачи значения «цвета неба в ясную погоду» (алб. *i kthjellët* ‘очищенный, ясный’). Лексемы же, закрепленные за обозначением предметов, связанных по народным представлениям с потусторонним миром, не могли стать основными обозначениями для «цвета неба».

Наблюдения над синим в традиционной культуре албанцев ограничены, как кажется, переселенческими группами и их говорами, в которых ряд культурных и языковых черт появился под болгарским влиянием на промежуточных этапах миграции. Это обстоятельство нужно согласовать с тем утверждением, что «В условиях иноязычного окружения какие-то черты языка и культуры могут «консервироваться», что дает исследователям возможность наблюдать архаические явления в лучшей сохранности».

В ряде мест работы очень не хватает наглядных таблиц, демонстрирующих дистрибуцию форм и семантем (в особенности на с. 65-66, где речь идет о сером), что вызывает затруднения в обобщениях и у самого автора. В итоге на с. 67 читаем: «Обозначение неясных сероватых оттенков шерсти находит *причудливое* выражение в рассматриваемых языках».

Можно было бы попытаться установить явные межъязыковые изоглоссы, не отсылая читателя к самостоятельной работе со словарем-указателем колоронимов. Например, в способах выражения значения «оранжевый» в албанском и македонском

языках терминами с основным значением «красный» (с. 70), чего, как кажется, для других обследованных языков не отмечено. Здесь же полезно было бы установить формальные и семантические изоглоссы тюркизма *пембе*. То же касается и «бел как свет» (с. 83) и частичной параллели: *Me faqe të bardhë* и *си obrazul curat* «С чистой совестью» (с. 149-150). Обобщения заслуживает и тот факт, что «синий, как слива» не отмечается в неславянских языках.

Можно было учесть, что для объяснения причин заимствования в лексический фонд балканских языков турецкой лексики не всегда убедительна гипотеза о «заполнении лакун, которые возникают в свободной ячейке одного из цветообозначений». Балканской лексикологией накоплен уже достаточный материал, подтверждающий «избыточность» тюркизмов с точки зрения языковой структуры и их особую стилистическую, жанровую, маркерную и иную роль.

Поскольку албанский толковый словарь – единственный лексикографический источник, в котором белый определяется помимо прочего через цвет хлопка, автор пытается пояснить, что «Сравнение с хлопком не является в строгом смысле эталонным для албанского языка, производство хлопка в Албании стало развиваться лишь с XX века, поэтому, с одной стороны, это достаточно новое явление для культуры и языка, а с другой стороны – образ *si rambuk* «как хлопок» за счет наглядности приобрел устойчивость». Представляется, что история распространения хлопчатника, упомянутого уже Павсаниевом «Описании Эллады», импорта хлопка из иных частей Османской империи и торговли в Средиземном море, в т.ч. с Египтом и Африкой, могла бы быть принята во внимание.

Логические неудачи очень редки: «Выявление лексем, относящихся к фиолетовым оттенкам, тем более представляется трудным, поскольку даже в литературных языках на рассматриваемой территории нет единого цветотермина, но фиксируется до трех равноценных слов». По мнению оппонента, наличие синонимов и лексических дублетов (вроде рус. гиппопотам и бегемот) обычно не приводит лингвистов к трудностям.

Упомяну и мелкое замечание. Следует ли толковать эпитет в рус. *солнце красное* исключительно как колороним (с. 105)? Или можно усматривать значение то же, что и в топониме *Красная площадь*?

В работе есть длинный ряд формальных недостатков. Так, в основном тексте на 4-156 стр. 806 (восемьсот шесть!) подстрочных сносок, что затрудняет чтение.

Список использованной литературы можно, разумеется, пополнять бесконечно, но все же сожаление вызывает то обстоятельство, что в разделе 3 о благопожеланиях и проклятиях, по всей видимости, не учтены книги: 1) Петровић Т. Здравница

код балканских Словена. Балканолошки институт САНУ, 2006; 2) Крумова-Цветкова Л. Й. Български благословения. Българските благословии, пожелания и клетви. София, 2010.

В библиографии встречаются единицы, о содержании которых и их роли для исследования в тексте работы и, в частности, в теоретическом обзоре литературы сказано очень мало или ничего. Это, например, Marianu S. Fl. *Cromaticăa poporului român*. București, 1882. 55 p. Есть неполные библиографические описания (например, без указания изданий): 162. Dimitrescu F. *Note asupra unor denumiri din cromatică actuală* // Isabela Nedelcu, Alexandru Nicolae, Alice Toma, Rodica Zafiu (ed.). 2011. P. 155–164. Скорее всего, это *Studii de lingvistică. Omagiu doamnei profesoare Angela Bidu-Vrănceanu*. Знаменитый словарь «Речник косовског-метохиског дијалекта» Г. Элезовича указан без имени автора и с ошибками в годах издания. По всей видимости, не использовался этимологический словарь О. Н. Трубачева.

Орфография и пунктуация. Если при цитировании из Интернета сохраняется авторская орфография, то в библиографическом списке отсутствие диакритики и написания вроде *гјесник* недопустимы. Ошибки имеются и во французских диакритиках, правильно: *étymologie, éléments, comparés*. Точки и запятые недостают по всему тексту. К отсутствию знаков препинания можно было бы не придирааться, если бы это не порождало новых смыслов, как на с. 54: «В рассматриваемых южнославянских языках – болгарском македонском, сербском», где возникает противопоставление неболгарского и болгарского македонского.

Поэтический перевод, а также переводы Писания в научной работе имеет смысл сопровождать переводом подстрочным (с. 37: *другиот копнеж и светол и стрвен*) нужно сопроводить подстрочным. То же при переводах Писания, ср. 41: *Do të japin fryte edhe në pleqëri, do të jenë të lulëzuar dhe të blertë*, ср. предлагаемый русский эквивалент «Они и в старости плодовиты, сочны и свежи», где *lulëzuar* «цветущий» передано как «сочный». Из работы не ясно, принадлежат ли переводы албанских эпических песен (тексты которых приводятся по изданию Р. Элси, но не по албанским академическим) на русский язык автору диссертации.

С. 44: алб. *Limonët e lulsuem në degë* [верно: Пожелтевшие лимоны *на ветке* (последнее опущено автором)];

С. 80: болг. *оня* м.р., в переводе «готова была».

С. 89: алб. *Njëri është i zi si kafja që unë pi* [Человек был черным, как кофе, который я пью]. Верно: *Один* был черным, как кофе, который я пью. *Другой...*

С. 94: серб. Rublja će rasti kad poraste i cijena naftnih izkorpina [Рубль будет расти по мере роста цен на *разведку* нефти]. Верно: по мере роста цен на нефтесодержащие ископаемые.

С. 107: алб. Korrë kombaji [пора жать] Верно: жнет комбайн.

С. 107: алб. mirëro nji kalë me qime të verdhë, verdh si qelibar, ma përpara nuk u kish ra te e ra në gjithë botën e njohtun: çka merr prej sraje e deri në çinmaçin [В этих широких полях Дукагина скакали и паслись сотни тысяч лошадей разных мастей, а одному желтому коню, желтому, как янтарь, *захотелось увидеть весь известный мир...*]. Верно, с учетом формы пассива: ...какого не видывали прежде...

С. 107: серб. А добро како *ћетена* алвица! [и столь же хороша, как ореховая халва!]. Верно: ...из льняного семени. См. Ђинђић Марија. Турцизми... Београд, 2013.

С. 117: серб. *Турска застава* может быть «знамя ислама», а не «турецкий флаг»;

С. 118: серб. *alijin barjak* может быть «знамя Али и Изетбеговича», т.е. босняцкое, мусульманское; а не «знамя имама Али»;

С. 122: серб. у драматичној акцији может быть «рискуя», а не «в опасной ситуации»

С. 153: вост.-серб. *Никад црно не стурши* [Чтоб ты никогда не почернел]. Должно быть «Чтоб ты никогда не снимал(а) траур».

Не очень удачен ли перевод болг. *боза* как 'напиток бежевого цвета' (с. 68).

Много замечаний накопилось у рецензента к авторскому словоупотреблению, иногда, на мой взгляд, неточному. Например, находим: «Общей, и в частности *балканской, универсалией* является тот факт...» (с. 31). Можно сомневаться в удачности выражения «балканская универсалия». Далее упомянем анахронизм: «Однако *европейское общество* античной эпохи и раннего Средневековья относилось к синему с некоторым равнодушием» (с. 54). «В следующем примере оба эталонных объекта сравнения *противопоставляются* друг другу: серб. Снег се бели као млеко [Снег белеет, как молоко]» (с. 80). Но в русском языке *противопоставить* означает «Сравнить, сопоставить с кем-, чем-л., указав на различие, противоположность признаков одного и другого».

Среди недочетов редакторской правки имеются неточности в географической атрибуции, как на с. 58: «...на *территории Болгарии* это специальное синее платье власеник (р-н Петрича) или темно-синяя безрукавка невесты – морно цубе (Брсьяци, *Северная Македония*)». Встречаются аграмматизмы в русском тексте, как на с. 126: «о восприятии носителей языков «оранжевого» как промежуточного цвета» (Правильно: ...о восприятии *носителями* языков...). Есть и семантические недочеты, как на с. 95 (оппоненту сложно назвать *сажу* артефактом, т.е. «Предметом, сделанным или

обработанным человеком»). Есть огрехи стиля: «не по внешности следует *судить человека*» (с. 93).

Есть следы спешки при завершении рукописи работы: «На русский язык данное выражение может соответствовать словосочетанию «кровь с молоком»» (с. 35). В итоговой версии текста в сноске 382 на с. 56 имеется вопрос к диссертанту от руководителя.

Заклучая, оппонент рад констатировать, что работа, вне всякого сомнения, проделана чрезвычайно полезная, цель ее достигнута, задачи убедительно решены. Речь идет о целостном научном произведении, которое вносит ценный вклад в славянское и балканское языкознание и этнолингвистику.

Диссертация «Система цветообозначений в балканославянских языках в сопоставлении с албанским и румынским (этнолингвистический аспект)» полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 года № 1024), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автор настоящего труда, Чиварзина Александра Игоревна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – Славянские языки.

Доктор филологических наук, профессор
Главный научный сотрудник Отдела сравнительно-
исторического изучения индоевропейских языков
и ареальных исследований

ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН»

А. Н. Соболев

14 июня 2022 г.

Сведения об оппоненте

Соболев Андрей Николаевич, доктор филологических наук, профессор
(специальность 10.02.03 – Славянские языки)

Тел.:+79313574048

Эл. адрес: sobolev@staff.uni-marburg.de

Сведения об организации

ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН»

Адрес: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Тел.: +7 812 328 16 12

Эл. адрес: iliran@mail.ru